

РОБЕРТ ПОРТЕР

РОЛЬ ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ И ДРУГИХ ЛИТЕРАТУРАХ**Abstract*****The role of animals in Russian and other literatures***

The article defines five categories of animals in literature: i) morally instructive (Sentimentalism), ii) the „outsider“, iii) moral superiority of animals as against humans, iv) the absurd, v) the threatening. The first category survives right through to the present, especially in children’s literature and, in any case, the categories overlap, with Russian literature defying any attempts at „periodisation“: the absurd is found in Gogol as well as Voinovich; the morally instructive is in Tolstoy and Vladimir. The moral superiority of animals is especially prevalent in Twentieth Century Russian literature and is graphically epitomised in Shalamov’s affection for cats in preference to human beings.

Ключевые слова

абсурд ■ английская ограниченность ■ аутсайдер ■ верность ■ животное ■ кошка ■ лагерь ■ лошадь ■ моральное обучение ■ Сентиментализм ■ собака ■ сталинизм ■ угроза

Около четырех часов утра пятницы девятого декабря 2011 британский премьер министр Давид Камерон, один-единственный из двадцати семи лидеров Европейского союза, осуществил свои права и наложил вето на предложение интегрировать еще больше финансовую организацию союза. Самые сильные сторонники такой интеграции были немцы и французы. Друзья Давида Камерона имели мнение, что он показывал дух бульгога, бульдожьё хватку, и боролся за самые лучшие интересы своей родины. С другой стороны, те британцы, которые были против него, были уверены, что теперь Великая Британия – одна, изолирована, ослаблена. (Недостовверные источники сообщают, что однажды – якобы в двадцатых годах – одна британская газетная рубрика была: «ТУМАН НАД ЛА-МАНШЕМ: КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЕВРОПА – ОТРЕЗАНА»). Я немедленно вспомнил отрывки из романа Карела Чапека *Война с саламандрами* (1936):

ВЕЛИКАЯ БРИТАНИЯ ЗАКРЫВАЕТ ДВЕРИ САЛАМАНДРАМ?

[...] Правительство не намерено позволять ни одной саламандре работать

ни на побережье ни в территориальных водах Британских островов. Причины этих мер [...] с одной стороны, касались безопасности британских берегов, и с другой, все продолжающейся законности древних законов и договоров относительно уничтожения работорговли.

[...]

Британское правительство [...] в специальной дипломатической Ноте правительству Французской республики, утверждало, что французские милитизированные Саламандры вторгались на британскую половину Ла-Манша и начали класть там мины [...] Затем Французское правительство объявило, что оно не может допускать, чтобы соседняя страна строила подводные фортификации так близко от французского побережья [...] разногласие надо представить судьям Международного Суда в Гааге, [...] Британское правительство ответило, что не может и не намеревается подчинять безопасность британских берегов любому внешнему судебному решению [...] Казалось, что ни одна ни другая страна уже не может уступить

ANGLIE SE UZAVÍRÁ MLOKŮM?

[...] Vláda [...] nehodlá přistupit, aby jediný Mlok byl zaměstnán na pobřeží nebo ve svrchovaných vodách britských ostrovů. Důvodem k těmto opatřením [...] je jednak bezpečnost britských ostrovů, jednak platnost starých zákonů a smluv o potírání obchodu s otroky.

[...]

Naproti tomu britská vláda oznámila zvláštné nótou vládě Republiky francouzské, že francouzští militarizovaní Mloci pronikli na anglickou polovinu Kanálu a chystali se tam klást miny. [...] Nato francouzská vláda ohlásila, že nemůže nadále trpět, aby sousední stát stavěl podmořská opevnění v bezprostřední blízkosti břehů francouzských. [...] navrhuje, aby [...] byla sporná záležitost předložena haagskému smírčímu soudu. [...] Britská vláda odpověděla, že nemůže a nehodla bezpečnost britských břehů podrobit žádnému zevnímu rozhodování [...] Zdálo se, že žádný z obou států nyní nemůže ustoupit.)

Два дня спустя, вечером воскресенья одиннадцатого декабря, я получил приглашение от Университета имени Т.Г. Масарика в Брно написать короткую статью для юбилейного сборника посвященного одному профессору того института, одной моей старой подруге и коллеге. Тут я узнал, что сотрудники Университета имени Т.Г.Масарика работают такие долгие часы до поздней ночи, как и наши европейские политические деятели и одновременно я вспомнил английскую репутацию, нашу легендарную, пресловутую ограниченность, узость и чопорность и спросил себя: «Разве можно отказаться от такого приглашения?» и надо попасть на тему универсальную, международную. в попытке преодолеть легендарную

ограниченность и уозость, и чопорность англичан и имея в виду любовь всех англичан к животным, особенно собакам и лошадям, я выбрал как тему роль животных в литературе, главным образом, конечно, в русской и английской.

Вообще говоря, есть пять категорий изображения животных в литературе: 1) сентиментально-поучительное, 2) чужое (аутсайдерское), 3) моральное превосходство животных по сравнению с людьми, 4) абсурдное и 5) угрожающее. Конечно, до известной степени они перекрывают друг друга, и трудно бы было следить за ними по точным и определенным литературным эпохам. Правда, Сентиментализм как литературное движение появилось во второй половине восемнадцатого века. в этом жанре, теоретически, чувствительный человек может узнать страдания и горе других, может помогать им, и таким образом узнать добро и зло, даже улучшить человечество. Тут очевидна воспитательная функция литературы, например в английской литературе в романах С. Ричардсона. Французская Революция подрывала Сентиментализм, но он продолжал проявляться в Европе и России, например у Н. М. Карамзина (*Бедная Лиза* 1792, *Письма русского путешественника* 1797–1801) и в популярных жанрах, особенно в жанрах для детей, он существует до наших дней. Можно констатировать, что самый знаменитый сентиментальный роман для детей в английской литературе – *Черный красавец* (1877) из-под пера Анны Севелл (Anna Sewell) и мы имеем великолепный современный пример: роман *Военный конь* Михайла Морпурго (Michael Morpurgo) (1982; Фильм С. Спилберг 2012).

В произведении Севелл, повествование ведется от первого лица как у Морпурго, герой – чистокровный конь, который страдает от жестокости и невежества своих конюхов и извозчиков. Он принужден работать в **специальных вожжах (по-английски „bearing rein”)** – **пользование которых** было распространено в это время – , которые по просто эстетическим причинам, поднимают голову лошади, несмотря на ужасную боль для работающей лошади. Черный красавец переживает все свои страдания и наконец пользуется отставкой не менее приятной, чем отставка любого университетского профессора. Анна Севелл умерла через несколько месяцев после публикации своей книги, и лошади на ее похоронах были в этих ненавидимых ею вожжах. Но через короткое время употребление их прекратилось под влиянием ее прозы. *Черный красавец* сделал для лошадей то, что *Хижина дяди Тома* Гарриет Бичер-Стоу сделала для рабов в Америке. **Анна Севелл была квакер, сердобольная, нежная и против всякого насилия.** Ее жизнь и писание осуществили в самом конкретном виде главные принципы Сентиментализма. Надо признать, что *Черный красавец* – вполне викторианский текст, который ни в коем случае не отвечает

современному вкусу, что касается политической корректности. На первых страницах конь-герой сообщает читателю, что его милая и мудрая мать не позволяет ему имитировать поведение лошадей низшего класса, ломовых лошадей.

Вопреки нашей циничной эпохе полной моральной двусмысленности, Морпурго в своем повествовании продолжает эту традицию. в глазах его лошади-героя нет разницы между немецкими и английскими солдатами воюющими на фронтах Первой мировой войны. Есть только хорошие и плохие люди, те, кто любит или не любит животных. Как и у Севелл, герой понимает человеческую речь, терпит смерть своего первого друга-коня, но наконец находит покой и счастье после бесчисленных душераздирающих переживаний.

В русском контексте, большей частью, животные начали свой литературный путь с И. А. Крылова. Его басни, основанные на произведениях Эзопа и Жана де Лафонтена, стали частью моего собственного образования и в средней школе в Англии и в университете имени Т.Г.Масарика. Мальчиком борющимся с французской грамматикой, я был принужден выучить наизусть:

Maître Corbeau, sur un arbre perché,
 Tenait en son bec un fromage,
 Maître Renard, par l'odeur alléché,
 Lui tint à peu près ce langage
 "Hé, bonjour, Monsieur du Corbeau
 Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!

Студентом университета в 1967-ом году, проводящим семестр – мой первый семестр в коммунистической Европе – я был принужден одной опытной, блестящей, хотя немножко строгой, учительницей русского языка в тогдашнем университете имени Я. Е. Пуркине выучить наизусть:

Уж сколько раз твердили миру,
 Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок
 И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
 Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
 На ель Ворона взгромоздясь,
 Позавтракать было совсем уж собралась.

(Кстати, интересно заметить, что в русском варианте, жертва лести – женщина, а во французском – мужчина...). Из-за такого обучения я стал конечно весьма моральным человеком, хоть все еще борющимся с французской и русской грамматикой.

Критики часто замечают, что русская литература развивалась по десятилетиям, между тем, как другие литературы развивались по столетиям. Так что не удивительно, что мы находим в русской литературе моральное обучение (сентиментальное) у животных бок о бок с теми иными тенденциями, которые мы уже установили в начале. *Холстомер* Л. Н. Толстого (1886) близок духом нашим выше упомянутым английским лошадям; и не отстают стихи двадцатого века – *Сорокоуст* С. А. Есенина, *Хорошее отношение к лошадям* В.В. Маяковского. Однако, Н.В.Гоголь уже в 1834-ом году, в рассказе *Записки сумасшедшего* дал нам говорящих собак, где мы видим, как животные комментируют мир людей, и абсурд совпадает с аутсайдером. в двадцатом веке аутсайдерская тенденция достигает своего апофеоза в гениальном романе Г. Н. Владимова *Верный Руслан*. Одновременно, это повествование о Гулаге, видимом глазами одной караульной собаки, представляет нам ту простую идею, что в моральном смысле звери стоят выше чем люди. в отличие от политиков и других людей, Руслан всегда верный и там, извините, собака зарыта.

Целый текст *Верного Руслана* изображает конфликты и контрасты: между обязанностью/ ответственностью и свободой, рационализмом и иррационализмом, природой и миром, построенным человеком, лагерем и небом. Несчастный Руслан находится не между двух огней, а между тысячами огней современного и хаотического мира. Но тем не менее читатель ни на минуту не сомневается в его честности. Моральное искажение бросается в глаза с первых страниц:

Хозяин предложил ему ошейник, Руслан с охотой в него потянулся и задвигал ушами, отзываясь на прикосновения хозяйевых рук, застегивающих пряжку, проверяющих – не туго ли, вдевающих карабинчик в кольцо. Сколько-то поводка хозяин намотал на руку, а самый конец прикрепил к поясу, – так все часы службы они бывали связаны и не теряли друг друга, свободной рукою подбросил автомат и поймал за ремень, закинул за спину вспотевшим стволом книзу. и Руслан привычно занял свое место – у левой его ноги.

Но к концу романа, когда Руслан избит до смерти, выполняя, по собственному пониманию, свои задачи, нам ясно, что мы имеем дело не с собакой но с рядовым русским человеком испытывающим оттепель сталинизма, – или с целым русским народом, или всяким современным человеком на всем божьем свете, старающимся взять в толк современный мир. Приводит Солженицына в смятение тот факт, что именно тогда, когда сталинизм строил своего рода государственный сумасшедший дом в СССР, на западе писатели и интеллигенты вообще, в восторге от советского социального эксперимента (который они сами не испытывали) творили в своих произведениях фантастический мир, который с их точки

зрения точно отражал искаженный, но настоящий мир созданный капитализмом. Одно из главных достижений Владимова состоит в том, что он сотворил текст классически ясный, связный и доступный. в то же время, действительность жизни Руслана нам представляет самыми яркими красками беспорядок, хаос и моральное замешательство современного быта, которым многие постмодернисты в своих трудных, требовательных текстах должны завидовать.

Тут еще один важный принцип: у Владимова жизнь животных куда моральнее, чем жизнь людей. Даже можно утверждать, что в русской литературе двадцатого века вообще животные постоянно почеркивают недостатки человека. Говорят, что Варлам Шаламов, испытав страдания более горькие чем Солженицын, вышел из лагерей с сильной антипатией к людям, предпочитая зверей, особенно кошек. Несколько историй: когда Шаламов читал *Один день Ивана Денисовича*, он писал Солженицыну длинное, дружеское письмо, но между прочем удивился, что в его романе, бегают кошка у кухни – **в лагере Шаламова уже давно съели бы ее.** у Шаламова была кошка Муха, которая исчезла. Рабочие на дворе ему сказали, что нашли ее убитую и закопали. Шаламов их попросил выкопать кошку. Он вымыл ее, высушил на батарее и похоронил. Годы спустя, другая кошка у него умерла, и он хранил ее в холодильнике. Бывало, он возьмет ее из холодильника и посидит с ней на коленях.

Нельзя писать о животных в русской литературе не упоминая *Прощай, Гульсары!* Ч. Т. Айтматова. Эта повесть о коллективизации показывает моральное превосходство лошади. Даже в киргизских традиционных соревнованиях (*байга*) лошади гордятся своими победами, но никогда не завидуют другим, в отличие, скажем, от футболистов. Очевидно, главные темы *Прощай, Гульсары!* связаны с некоторыми атрибутами деревенской прозы: советский человек является вроде Прометеем, который погубит себя, если будет соревноваться с природой; невинность и мораль обнаруживаются в традициях и в стоицизме опытных крестьян а не в новом социалистическом человеке. Литературные лошади, собаки, кошки и т.д. куда старше и мудрее, чем Карл Маркс. Надо хвалить Айтматова за то, что в его самых успешных произведениях возникают проклятые вопросы двадцатого века, а все сделано в рамках социалистического реализма, даже когда он обращает внимание читателя на важность мифического мира.

Поучительная и моральная функция животных видится также у А. И. Солженицына. Матрена, без которой не стоит ни село, ни город, ни вся земля наша, окружена кошкой, козлом и мышами, бегущими за обоями. и в *Раковом корпусе* Костоглотов получает вроде обучение от животных в зоологическом саду. и самый важный урок он получает от отсутствующего животного – обезьяны, которую, по табличке на клетке, «злой че-

ловок» ослепил табаком. Наконец Россия начинает снова узнавать, после эпохи Сталина, разницу между добрым и злым поступком.

Животные как представители литературного абсурда видятся во многих местах. Обычно они освещают абсурдность людей окружающих их. в романе *Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина* В. Н. Войновича кабан Борька, возлюбленный героиней Нюрой, становится объектом зависти для Чонкина; появляется якобы говорящий конь; корова, поступая по своей логике, съедает гибридное растение местного Прометейя, Гладышева. Его эксперименты с разными сортами экскрементов также очень сомнительны. Не случайно, что этот тип, злоупотребляющий природу до ужаса, немедленно становится первым коллаборационистом, когда немцы оккупируют село. Отношение героя и других к животным осложняется. в своеобразной книге *Замысел* (комбинация сочинений, воспоминаний, философии и беллетристики) Войнович дает нам новые эпизоды в жизни Чонкина. Чонкин и Свинцов бегут от немцев и очутились в лесу. Чуть не умирая с голоду они видят, как что-то мохнатое зашевелилось в кустах:

– Медведь! – воскликнул Свинцов и вскинул винтовку.

Кусты затрещали сильнее, из них выскочило престранное существо, покрытое длинной шерстью, и со всех четырех ног кинулось прочь. Свинцов, сам превратившийся за это время в зверюгу, кинулся догонять. [...]

– Что за зверь, не знаешь?

– Не знаю, – удивленно сказал Чонкин. – Но похоже, что обезьян.

– Откуда ж обезьян? усомнился Свинцов. – Это ж тебе не Африка. Может, какая кошка или же соболь. [...]

– Да ты что! [...] А это чистый обезьян. [...]

– Слушай, а ты думаешь, обезьянов едят? спросил [Свинцов], подняв винтовку [...]

– Не стреляйте! – закричала обезьяна жалким человеческим голосом. [...]

– Гляди! – удивился Чонкин. – Говорить умеет.

[...]

– Ежели она говорящая, я ее есть не смогу [...]

– Да вообще-то, конечно, – согласился Чонкин.

Здесь мы видим, как Свинцов превратился в «зверюгу», и получилось потом, что «обезьяна» – стопроцентный человек. Здесь нет морального обучения, нет сентиментализма, просто напоминание, что звериный и человеческий миры – очень близки.

В посткоммунистической русской литературе чистая абсурдность животных в человеческих делах видится например в серии романов украинского писателя А. Ю. Куркова. начиная со *Смерти постороннего* (1996). Герой Виктор Золотарев, непризнанный писатель, покинутый своей де-

вушкой, поселил у себя в квартире пингвина из местного зоологического парка. Пингвин Миша не говорит, мы не знаем его мысли, но он безмолвно следит за поступками своего хозяина. Миша имеет подавленное настроение. Но как сообщает герою один самозванный пингвинолог:

Конечно, они легко различают настроение людей и других зверей. Кроме того, они очень злопамятны. Добро тоже хорошо помнят. Но вы понимаете, что их психология намного сложнее, чем, скажем, собаки или коша. Они и умнее, и скрытнее. Они могут скрывать свои чувства и свои привязанности. (Глава 29)

Наивного Виктора вовлекает мафия в свои дела и это комическое произведение отражает коррупцию, небезопасность и неуверенность новой эпохи. Неуместность пингвина, наблюдающего грехи и глупости человечества, можно истолковать как юмористический вариант лешего, Хозяина острова, в романе В. Г. Распутина *Прощание с Матерой*.

Наша последняя категория изображения животных – животные как угроза – может быть лучше представлена в английской, чем в русской литературе. Классические образцы включают рассказ *Птицы* (1952) Дафны дю Морье (Daphne Du Maurier) (разумеется, фильм по этому рассказу А. Хичкока куда знаменитее) и *Собака Баскервильей* (1902 бесчисленные экранизации) А. Конана Дойля (A. Conan Doyle). Мы найдем опасных, угрожающих животных в *Книге джунглей* Р. Киплинга (R. Kipling), но Маугли со своими друзьями-зверями побеждают над ними. Безусловно, зловещие звери существуют и в русской литературе – в романе *Хранитель древностей* Ю. О. Домбровского бегло, но не раз, появляется неуловимый, мифический удав. Не исключено, что он символизирует удушение культуры сталинизмом. Но в общем-то, русские животные дают человеку утешение, моральное обучение и даже потеху. Роль животных в мировой литературе огромна и разнообразна. Давай кончим словами Марка Твена (Mark Twain): «Человек – Единственное Животное, которое Краснеет. и ему есть за что.» («Man is the Only Animal that Blushes. Or needs to.»).

(Заметка: в 30 января 2012, именно в тот день, когда автор дописал эту статью, Великая Британия и Чешская Республика – единственные два государства из 27 членов Европейского союза – отказались от нового договора касающегося финансовой организации союза. Заразительна ли британская бульдожья хватка? Или начинает ли успевать попытка автора преодолеть пресовутую ограниченность и узость англичан?)